

Специфика экземплификации в описании категории падежа (на материале испанских грамматик XVI-XVII вв.)

В статье анализируются результаты изучения принципа экземплификации как неотъемлемой части текста грамматики. На примере категории падежа в испанских грамматиках XVI-XVII вв. рассматриваются такие признаки экземплификации, как соотношение правило-пример, плотность и состав примеров, принципы отбора и презентации примеров.

The article analyzes exemplification as an integral part of a grammar. The exemplification features, such as correlation rule-example, density and composition of examples, example selection and presentation principles, are considered as illustrated by the case category in the Spanish grammars of the XVI-XVIIth cc.

Ключевые слова: экземплификация, грамматика, грамматические категории, падеж, правило, пример, система, норма, узус.

Key words: exemplification, grammar, grammatical categories, case, rule, example, system, norm, usage.

Как известно, текст грамматики состоит из формулировок правил и из примеров, их иллюстрирующих. Обусловлено это тем, что теоретические и практические рекомендации употребления конкретных языковых форм еще не обеспечивают необходимой ясности и точности грамматического описания вне сочетания с примерами. Принципы отбора и презентации примеров в тексте грамматики отражают закономерности кодификации языка и дают представление о норме литературного языка в разные периоды его истории.

На значимость примера в системе грамматического описания обращали внимание многие видные ученые, однако интерес к теоретической стороне проблемы экземплификации обозначился лишь в XX веке в связи с развитием теории языковой нормы. Значительный вклад в разработку проблемы экземплификации применительно к истории лингвистической мысли внесли такие ученые, как Б. Кемада, Ж.-Кл. Шевалье, К. Персиваль, С. Ору и др. В последнее время появилось немало интересных исследований, посвященных изучению принципа экземплификации применительно к испанской грамматической традиции. Значимое место в рамках этого направления занимают исследования начального этапа в истории испанской грамматики – XVI-XVII веков. Пристальное внимание ученых к лингвистическому наследию эпохи, не без оснований получившей название Золотого века, не случайно. Это связано с тем, что первая в Европе

национальная грамматика появилась в Испании, послужив импульсом для создания грамматик других западноевропейских языков. Кроме того, филологическая деятельность в Испании в XVI-XVII веков является, по выражению Х.М. Лопе Бланча, самой важной, самой могучей и самой оригинальной за всю историю испанской лингвистической мысли [6, р. 38].

Благодаря исследованию принципа экзemplификации по текстам грамматик Золотого века современными учеными были выявлены литературные источники примеров, получившие свое отражение в испанских грамматиках [7; 5; 9], проведен статистический анализ лексической природы примеров [3], изучен характер функционирования примеров в грамматиках эпохи Ренессанса [1]. Между тем нельзя не заметить, что, несмотря на имеющиеся значительные достижения в решении данной проблемы, за рамками проведенных исследований остается еще немало вопросов. К их числу относится выявление закономерностей и своеобразия принципа экзemplификации на глубинном – категориальном – уровне грамматического анализа. Значительный интерес в этом плане представляет собой роль примера в описании акциденции падежа – одной из наиболее спорных грамматических категорий в рамках не только испанской, но и в целом западноевропейской грамматической традиции того времени.

Особый статус категории падежа в ранних испанских грамматиках связан с тем, что в качестве модели грамматического описания для них послужил греко-латинский канон, созданный для языков флективного типа. Несмотря на то, что некоторые канонические категории не находили себе подкрепления в узусе нового языка, тем не менее, они продолжали включаться в корпус грамматик и подчас получали довольно подробное описание. Первое место среди таких категорий занимает падеж. Грамматисты того времени отмечали, что, хотя падежа как такового у испанского имени нет, он все же получает в нем свое выражение посредством артиклей и предлогов. Однако не только это расхождение между теорией и практикой описания составляет исключительность данной категории. Принципы отбора и презентации примеров для иллюстрации сути описываемого явления также выделяют падеж из числа других грамматических категорий, заимствованных из канонических работ, послуживших в качестве образца для подражания при написании испанских грамматик.

В задачи нашего исследования входит изучение особенностей принципа экзemplификации при описании акциденции падежа в текстах испанских грамматик Золотого века. Рассмотрим такие признаки экзemplификации, как соотношение правило-пример, плотность и объем примеров, принципы отбора и презентации примеров при описании данной категории применительно к имени как части речи.

При изучении роли примера в грамматиках пиренейской ветви ренессансной грамматической традиции (Небриха, Оливейра, Барруш),

М. Э. Кистерова обратила внимание на то, что примеры носят в них довольно часто бессистемный характер: иные положения подкрепляются примерами, иные – нет. Автор исследования связывает эту особенность с тем, что рассмотренные грамматики представляют собой начальный этап становления новой европейской лингвистической традиции с присущими ему колебаниями в использовании процедур и методов анализа [2, с. 183]. Между тем, при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что за этой бессистемностью экземплификации стоит системность, обладающая свойством «неслучайности». Будучи своеобразной универсалией грамматического описания, принцип экземплификации зависит от ряда факторов. К числу наиболее значимых из них относятся особенности лингвистической ситуации, в которой осуществляется процесс кодификации языка, уровень развития литературной традиции, типология грамматик, принадлежность примеров к определенному разделу грамматики и определенному уровню грамматического описания. В то же время принципы отбора и презентации примеров для иллюстрации тех или иных языковых явлений во многом определяются самой природой описываемых явлений, а также мировоззренческими, литературными и эстетическими предпочтениями авторов грамматик.

Обращение к полному корпусу текстов испанских грамматик Золотого века подтверждает положение об особой природе системности примера. По нашим наблюдениям, соотношение между правилом и примером в них, действительно, представлено по-разному. Однако за кажущейся бессистемностью принципа экземплификации прослеживается определенная закономерность. При описании таких частей речи, как имя и глагол грамматисты больше внимания уделяли описанию глагола, мотивируя это тем, что «без глагола невозможно строить высказывание» [18, р. 116; 17, s.p.; 19, р. 75, 12, р. 35]. Так, в грамматике Х. де Луны описанию имени отведено 14 страниц, а глаголу – 100, в эту часть работы включены не только парадигмы спряжения правильных глаголов, но и длинный список неправильных глаголов (около 300 единиц) [15, s.p.]. При описании таких категорий, как род, число, лицо, время, наклонение и др. правило неизменно подкрепляется более или менее развернутым перечнем примеров.

Крайне редко в рассмотренных нами грамматиках встречаются случаи, когда правило не сопровождается примерами. Это относится, в частности, к описанию герундия и неопределенно-причастного имени, а также в ряде случаев к междометию. Например, Корро отсутствие примеров при описании междометий объясняет тем, что испанцы чаще всего пользуются теми же выразительными средствами, что и другие нации [11, р. 116].

Что касается случаев отсутствия правил в описании грамматических явлений при сохранении корпуса примеров, то они типичны прежде всего для практических руководств по языку. Кроме того, применительно к частеречному уровню анализа остенсивные определения наиболее характерны

для описания неизменяемых частей речи – наречия, предлога, союза, междометия. Так, в анонимной грамматике 1555 года описание наречий сведено к семантической классификации различных разрядов наречий и перечня примеров к ним [22, s.p.].

В случае отсутствия правила пример берет на себя помимо функции иллюстрации еще и функцию экспликации описываемого явления. Следует отметить, что так называемые остенсивные определения были своеобразной приметой времени и отражали главный принцип научного описания эпохи Возрождения – наглядность. Для историка языкознания такого рода случаи представляют особый интерес, поскольку только благодаря корпусу примеров становятся понятными принципы систематизации и категоризации описываемых явлений.

В описании испанского языка, причем вне зависимости от типа грамматики, имеется особый участок, где мы обнаруживаем практически неизменно диспропорцию в соотношении «правило / пример» в пользу примера. Этим участком грамматического описания является категория падежа для такой части речи, как имя. Чаще всего описание данной категории начинается не с правила, а с замечания относительно того, что как такового падежа у испанского имени нет. В частности, Г. Корреас пишет об этом следующим образом: “Los Griegos i Latinos conozen i tienen casos: nosotros no: mas las diferencias de hablar por ellos sí las conozemos: las cuales diferenziamos i hazemos con preposiciones” [10, p. 63]. После замечаний такого рода следуют примеры падежной парадигмы, выстроенной по модели склонения латинского имени. Вот как выглядит такое описание в грамматике Х. Луны:

Declinacion del Nombre

Masculino

Los Nombres tienen feys Casos, y se declinan así.

Nominatiuo	el cauallo.
Genitiuo	del cauallo.
Datiuo	para el cauallo.
Acufatiuo	a, o al cauallo.
Vocatiuo	o cauallo.
Ablatiuo	con, o por el cauallo .

Plural.

No.	los cauалlos.
Ge.	de los cauалlos.
Dat.	para los cauалlos.
Acu.	a, o a los cauалlos.
Vo.	o cauалlos.
Ab.	con, o por los cauалlos [15, s.p.].

Как видим, наряду с иллюстративной функцией, которую в первую очередь выполняет пример в системе грамматического описания, в данном

случае осуществляется функция экспликативная, состоящая в том, что развернутая система примеров дает представление о явлении, которое в то время считалось неотъемлемой частью грамматического описания именных частей речи любого языка. Это, на первый взгляд, очевидное противоречие между теорией и практикой грамматического описания получает свое объяснение в своеобразии языковой ситуации, причем не только на территории Испании, но и далеко за ее пределами. Ситуация многоязычия, ставшая приметой ренессансной Европы, привела к тому, что среди грамматиков того времени было немало двуязычных и многоязычных, в которых приводились параллельные описания разных языков. Эта достаточно прозрачная граница между описываемыми языками приводила к тому, что категория падежа имела еще одну функцию в системе грамматического описания – дидактическую. Как пишет Дж. А. Пэдли, первым свидетельством нового педагогического метода стала грамматика Небрихи, провозгласившего, что обучение латыни будет наиболее эффективным, если использовать народный язык [8, р. 164]. Таким образом, одной из причин сохранения категории падежа там, где падежного словоизменения как такового не было, стала дидактическая функция парадигмы склонения.

Наши наблюдения дают основание говорить о том, что помимо особых функций, возлагаемых на принцип экзemplификации в описании категории падежа, он имел и иные отличия по сравнению с описанием других категорий. В частности, неоднородная в целом для грамматиков плотность экзemplификации по-особому представлена при обращении к рассматриваемой нами категории. По нашим данным, она находилась в прямой зависимости от типа грамматики. В так называемых теоретических, или описательных, грамматиках примеры играют вспомогательную роль, поэтому описание языковых явлений в них чаще всего ограничивается двумя-тремя примерами, в то время как в обучающих грамматиках примеры часто заслоняют собой, а подчас и вытесняют объяснение. Наиболее обширный корпус примеров, призванных наглядно показать возможности выражения значения того или иного латинского падежа средствами испанского языка, представлен в грамматиках Урбино (1560), Миранды (1567), Удэна (1612), Франчозини (1624), Энкарнасьона (1624).

Между тем нельзя не заметить того, что в ряде случаев отнесение к определенному типу той или иной грамматики рассматриваемого периода вызывает существенные затруднения. Применительно к грамматикам Золотого века принято выделять такие типы, как описательные, объяснительные, нормативные, обучающие, сопоставительные, элементарные. Однако, как и всякая классификация, такое разделение достаточно условно, поскольку, во-первых, все грамматики без исключения имели нормативный характер, во-вторых, как объяснительные, так и описательные грамматики в той или иной степени предназначались для обучения языку,

в-третьих, подчас в рамках одной и той же работы сочетались признаки нескольких типов грамматического описания.

Именно в этом, на наш взгляд, кроется одна из причин того, что в разных частях одной и той же работы плотность экземплификации варьируется. Убедительным тому подтверждением является грамматика А. Небрихи, которая отчетливо делится на две части. Первая часть, насчитывающая четыре книги, содержит черты описательной и объяснительной грамматики, поэтому примерам в ней отведено незначительное место. Вторая ее часть, представляющая собой последнюю, пятую, книгу, по словам самого автора, предназначена иностранцам, желающим изучить испанский язык, что позволяет причислить ее к педагогическому типу грамматического описания. В этой части грамматики примерам отводится значительное место. Так, описание категории падежа содержит около двадцати примеров парадигм склонения, дающих представление о различных случаях употребления имени с предлогом и артиклем и без них.

Обращение к текстам грамматик Золотого века показывает, что со временем количество примеров при описании категории падежа продолжало оставаться достаточно высоким. В частности, в работе С. Удэна (1612) представлено тринадцать парадигм склонения для имени существительного и прилагательного. Примерами, иллюстрирующими особенности «испанского склонения», изобилуют труды и других авторов: Анонима (1555), Г. Мерье (1558), Анонима (1559), А. де Корро (1590), С. Удэна (1612), А. де Саласара (1623), Д. де Энкарнасьона (1624), Л. Франчозини (1624).

Вполне логично предположить, что количество примеров в тексте грамматики должно свидетельствовать о стремлении автора привлечь внимание читателя не только к абстрактной теории, но и к практике. Это положение в полной мере оправдывает себя, если речь идет о грамматических категориях в целом или о таких именных категориях, как род или число. Однако наши наблюдения дают нам основание говорить о том, что обилие примеров при описании категории падежа не связано с понятиями нормы и узуса. При ее трактовке внимание грамматистов сосредоточено исключительно на системном уровне грамматического анализа, что же касается вопросов грамматической правильности, то они отражены недостаточно рельефно, а императивы нормы представлены лишь эпизодически, например, в рекомендациях относительно неупотребления артикля при именах собственных: “El hombre, la muger: but not el Ioan, la Katelina” [20, p. 22]. Замечания рекомендательного характера в описании категории падежа обнаружены нами в анонимной грамматике 1559 года и касаются указания на элизию артикля после предлога в генетиве и дативе [14, s.p.]. Рекомендации такого плана в описании категории падежа достаточно редки, поскольку эти сведения, как правило, излагаются авторами грамматик при описании артиклей и предлогов.

В основном описание категории падежа ограничивается более или менее развернутым списком переводных парадигм, содержание которых не дает представления о реальной норме употребления имени в сочетании с артиклями и предлогами. Объяснение этой особенности связано с тем, что эталон грамматической правильности применительно к акциденции падежа в эпоху Золотого века продолжали видеть не в родном языке, а в латыни. Таким образом, специфика экземплификации тесным образом связана с концептуальным видением категории падежа, отражающим асимметрию системного, нормативного и узуального аспектов.

В свое время Л. Кукенхайм обратил внимание на то, что одним из важных вопросов, занимавших внимание испанских грамматистов, был вопрос о том, надлежит ли фиксировать устную речь или же следует опираться на правила письменной речи. Этот вопрос для испанской традиции, в особенности в первой половине XVI века был достаточно труден, поскольку кастильский язык в то время не имел авторов, равных по авторитету Данте, Петрарке или Боккаччо [4, р. 91-92]. Именно поэтому проблема выбора образцов для подражания подчас получала неоднозначное решение в трудах испанских гуманистов. Многие из них настаивали на необходимости обращаться к античным авторам для совершенствования родного языка, к их числу относится К. де Вильялон, писавший: “<...> este borron: enel qual profumo reduçir a arte la lengua Castellena, en imitacion dela Latina y Griega” [21, s.p.].

В связи с вопросом о размытости нормативного и узуального аспектов при описании категории падежа обращает на себя внимание то, что в грамматиках, предназначенных для иностранцев, встречаются и параллельные (двойные) парадигмы. Например, в грамматике Миранды испанские формы склонения имен (в данном случае имен собственных) сопровождаются итальянскими [17, р. 50], а в грамматике Г. Мерье представлены падежные формы на четырех языках – французском, итальянском, испанском и фламандском [16, р. 38-39].

Как в случае одноязычных, так и в случае дву- или многоязычных парадигм представленные в них примеры показывают, что на первый план в описании категории падежа выходит сопоставление. И хотя в одноязычных парадигмах оно представлено имплицитно, оно свидетельствует о попытках грамматистов найти в живых языках аналоги каноническим падежным формам, прежде всего латинским. Таким образом, выявляется еще одно существенное отличие в описании падежа, которое состоит не только в понимании его как универсальной грамматической категории, но и в осознании того, что каждый язык обладает своими особенностями, и в попытках выявить эти отличия в грамматическом строе известных языков. Иначе говоря, описание категории падежа становится своеобразным плацдармом для зарождения лингвистической типологии. Нельзя не заметить того, что в описании других грамматических категорий сопоставительный

аспект представлен достаточно слабо, в основном их описание содержит замечания нормативного плана и более или менее обширный корпус примеров, дающих представление о реальном узусе.

Еще одним отличием принципа экзemplификации применительно к описанию категории падежа является состав примеров. Как известно, в зависимости от природы описываемого явления примеры могут быть представлены словом, словосочетанием, предложением. Выбор объема и состава примера зависит и от уровня грамматического описания (морфология или синтаксис). Словосочетания и предложения представлены преимущественно в разделе синтаксиса, в разделе этимологии (или морфологии) они достаточно редки. Наши наблюдения показывают, что в испанских грамматиках Золотого века примеры для таких именных категорий, как род или число, как правило, представлены цельнооформленными словами. Что касается парадигмы склонения, то она представлена словом лишь в том случае, если этим словом является артикль, трактуемый автором грамматики как самостоятельная часть речи. В основном же парадигмы склонения представлены аналитическим словом, включающим имя существительное с артиклем в сочетании с предлогом или без него. Таким образом, при обращении к категории падежа грамматисты выходили за рамки понятия 'слово' (в данном случае цельнооформленное слово) и оперировали таким понятием традиционной грамматики, как 'конструкция' (словосочетание). Объем такого словосочетания для имени мог ограничиваться существительным (или прилагательным) и его детерминативами, а мог быть и более развернутым, как, например, в грамматике Франчозини, где представлена падежная парадигма для адъективного словосочетания:

No. el hombre bueno	No. los hombres buenos
Ge. del hombre bueno	Ge. de los hōbres buenos
Da. al hombre bueno	Da. à los hombres buenos
Ac. el, ò al hōbre bueno	Ac. los, ò à los hombres buenos
Vo. ò hombre bueno	Vo. ò hombres buenos
Ab. del hombre bueno	Ab. de los hōbres buenos [13, p. 40-41].

Таким образом, по составу примеров категория падежа занимает промежуточную позицию между этимологией и синтаксисом, поскольку основной единицей анализа в ней выступает конструкция.

Специфика принципа экзemplификации применительно к категории падежа проявляет себя и в особенности презентации примеров. В рамках данной традиции прослеживается два основных способа: горизонтальное расположение примеров (т.е. простое перечисление форм) и вертикальные парадигмы (т.е. запись форм в столбик). Оба они в разной степени представлены при описании на категориальном уровне, например, глагольные парадигмы имеют исключительно вертикальный вид. Для описания именных категорий рода и числа используются преимущественно горизонтальные парадигмы, при описании падежа

предпочтение отдается вертикальным. Простое перечисление примеров является своеобразной приметой рукописной традиции. Именно так выглядит падежная парадигма в грамматике Г. Корреаса, оставшейся в рукописи до 1903 года. Встречаются, однако, случаи горизонтальных парадигм и в печатных грамматиках, например, в грамматике К. де Вильялона: “En el nominatiuo dezimos en castellano, Pedro: y en el genitiuo, de Pedro: y en el datiuo, para Pedro: y en el accusativo, a Pedro: y en el vocatiuo, o Pedro: y en el ablatiuo dezimos: esto quite a Pedro” [21, s.p.]. Еще один способ систематизации материала в парадигмах склонения представлен в грамматике Миранды. Эту закономерность в свое время заметила Д. Эстеба Рамос, увидевшая, что Миранда не только оформил примеры в столбик, но и расположил их в алфавитном порядке [3, p. 206]. Отсутствие единообразия в решении проблемы презентации примеров для падежных парадигм говорит о поиске грамматистами Золотого века не только наиболее эффективной методики преподавания языка, но и наиболее эффективного способа систематизации материала, позволяющего лучше понять описываемое явление.

На основании проведенного нами анализа можно сделать следующие выводы.

1. При описании категории падежа в испанских грамматиках Золотого века прослеживается явная диспропорция в соотношении правило / пример в пользу примера.

2. По составу примеров категория падежа занимает промежуточное положение между морфологическими и синтаксическими категориями, поскольку в парадигмах склонения представлены исключительно грамматизованные формы «артикль + имя» или «предлог + артикль + имя».

3. Все особенности экземплификации так или иначе обусловлены асимметрией системного, нормативного и узуального планов в описании категории падежа. Недостаточность нормативного и узуального аспектов при ее описании восполняется системным и сопоставительным аспектами.

Список литературы

1. Кистерева М. Э. Западноевропейские грамматики XV-XVI вв. Роль грамматического примера в становлении новой науки о языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010.

2. Кистерева М. Э. О роли грамматического примера в описании языка (Некоторые аспекты изучения первых португальских и испанских грамматик) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2008. – № 5. – С. 182-190.

3. Esteba Ramos D. Los ejemplos en las gramáticas del español como lengua extranjera: Siglo de Oro tesis doctoral. – Málaga, 2005.

4. Kukenheim L. Contribution à l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française à l'époque de la Renaissance: Thèse. – Amsterdam, 1932.

5. Lliteras M. Sobre la formación del corpus de autoridades en la gramática española // Historiografía Lingüística XXIV: ½. – Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 1997. – P. 57-72.

6. Lope Blanch J. M. La lingüística española del Siglo de Oro // Actas del VIII Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. – Madrid: Ediciones Istmo, 1986. – Vol. 1. – P. 37-58.

7. Niederehe H.-J. Los ejemplos de la Gramática de la lengua castellana de Elio Antonio de Nebrija // Nebrija V Centenario: Actas del Congreso Internacional de Historiografía Lingüística. – Murcia: Universidad de Murcia, Secretariado de Publicaciones e Intercambio Científico, 1994. – Vol. I. – P. 413-423.

8. Padley G.A. Grammatical Theory in Western Europe, 1500-1700: Trends in Vernacular Grammar. II. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

9. Pérez Priego M.Á. El canon literario en las gramáticas castellanas del Renacimiento // Actas del Congreso Internacional sobre Humanismo y Renacimiento. – León: Universidad de León, 1998. – Vol. II. – P. 83-99.

Источники

10. Correas G. Arte grande de la lengua castellana (1626). – Madrid, 1903. – XXVI.

11. Corro A. The Spanish Grammer. – London: John VVolve, 1590.

12. Encarnacion D. Grammaire espagnolle, expliquée en françois. – Douay: Balthazar Bellere, 1624.

13. Franciosini L. Gramatica spagnola e italiana. – Venetia: Presso Giacomo Sarzina, 1624.

14. Gramatica dela Lengua Vulgar de España. – Lovaina: Impresso por Bartholomé Gravio, 1559.

15. Luna J. Arte breve y compediosa para aprender a leer, escribir, pronunciar y hablar la lengua Espanola. – Londres: Juan Guillermo, 1623.

16. Mevrier G. Conivgainsons, regles, et instrvctions, movt propres et necessairement reqvises, pour ceux qui defirent apprendre François, Italien, Espagnol, & Flamen. – Anvers: Chez Ian van Vvaesberghe, sur le Cemitiere nostre Dame, á l'écu de Flandres, sur le marché des Toyles, 1558. – Fol. 42.

17. Miranda G. Osservationi della lingua castigliana. – Vinegia: Appresso Gabriel Giolito de' Ferrari, 1567.

18. Nebrija Antonio de. Gramatica castellana. la ed. <princeps> de 1492 por P. Galindo Romeo y L. Ortiz Muñoz. Prólogo del Sr. D. J. Ibañez Martín. – Madrid: Silverio Aguirre, Gráficas Reunidas, 1946. – XL.

19. Ovdin C. Grammaire espagnolle, mise et expliqvee en françois. – Paris: Chez Estienne Orry, ruë Saint Iacques, 1612.

20. Percyvall R. Bibliothecæ hispanicæ pars altera. – London: John Jackson, 1591.

21. Villalon Cristobal de. Gramatica castellana. – Anvers: En casa de Gillermo Simon, 1558.

22. Vtil, y breve institution, para aprender los principios, y fundamentos de la lengua Hespañola. – Lovanii: Ex officina Bartholomæi Grauii, 1555.